

В. ПЕРЦОВ

Читая Ахматову

Поэзия Ахматовой «затонула» на многие годы — последняя ее книга вышла в 1923 году. Ахматова продолжала писать стихи, которых мы не читали. И вот через 17 советских лет — период времени геологический — появляется ее новая книга.

В начале помещены новые стихи, вслед за ними в обратном хронологическом порядке избранные стихи из прежних пяти книг. Материал расположен в правильной последовательности: нетерпеливый любитель поэзии с первой страницы получает возможность сказать себе: Ахматова 1940 года пишет по-прежнему хорошо. И даже лучше, чем раньше. Такая же, как и прежде, ясность высказывания поэта, хотя речь идет о вещах, по самому своему существу неясных, нечетких, дрожащих и туманных. Ни малейшей претенциозности в слове, несмотря на излом в чувстве. Никакого перемигивания с искусством «полутонов» и намеков, в котором зачастую, под видом ложной значительности, скрывается отсутствие точной лирической мысли. Такая же, как и раньше, железная логика в разворачивании лирической мысли, в расположении «доказательств», в смыкании «посылок» и «выводов». И наряду с изысканным ажурным словом — верное чутье народных форм родного языка.

Мастер не устал, не состарился, не растерял и себя, несмотря на столько лет уединенной жизни. И, напротив, кое в чем утвердился на позициях своей молодости и стал писать лучше. Разговор с Музой, которая в стихах Анны Ахматовой представляет собой вполне реальный персонаж и даже характер, в 1940 году ведется еще более серьезно (и я бы сказал — решающе) по сравнению с прежними книгами. Вот этот разговор в книге «Белая стая» (1917):

Муза ушла по дороге,
Осенней, узкой, крутой,

И были смуглые ноги
Обрызганы крупной росой.

Я долго ее просила
Зимы со мной подождать.
Но сказала: «Ведь здесь могила,
Как ты можешь еще дышать?»

.....

Я, глядя ей вслед, молчала,
Я любила ее одну,
А в небе заря стояла,
Как ворота в ее страну.

Новое стихотворение «Муза» — такое:

Когда я ночью жду ее прихода,
Жизнь, кажется, висит на волоске.
Что почести, что юность, что свобода
Пред милой гостьей с дудочкой в руке.

И вот вошла. Откинув покрывало,
Внимательно взглянула на меня.
Ей говорю: «Ты ль Данту диктовала
Страницы Ада?» Отвечает: «Я».

И Муза здесь сознательнее, и у поэта настоящий темперамент.

Если после новых стихов Ахматовой восстановить в памяти весь ее прежний творческий путь по сборнику «Из шести книг» и опять вернуться к новым стихам, то можно заметить в них и одну новую особенность. Нельзя еще считать поворотом к большой эпической форме такие новые произведения, как «Клевета» и «Лотова жена». Но, во всяком случае, в них чувствуется стремление выйти из круга субъективных переживаний к объективной теме. Такое же значение имеют стихи «Данте» и «Клеопатра». Ахматова умеет изображать в своих новых «повествовательных» стихах большие душевные движения, безоглядную трагическую страсть.

Особую славу, как известно, стяжали себе стихи Ахматовой о любви. Постоянная тема Ахматовой — странная, трагическая любовь, любовь — кара и мука, на которую женщина — героиня ее поэзии — сама обрекает себя:

Сжала руки под темной вуалью...
«Отчего ты сегодня бледна?»
— Оттого, что я терпкой печалью
Напоила его допьяна.

Ахматова создала в своей поэзии образ женщины, пожертвовавшей собой для любви. Этот образ возник в поэзии Ахматовой на фоне разнузданной, упадочной литературы, которая пользовалась особенным успехом у революционного обывателя в годы литературного дебюта автора «Четок» и «Белой стаи».

Перечитывая сейчас стихи Ахматовой 1911—12 годов, понимаешь ее поэтическую заслугу, которая выражается в том, что в самом близком соседстве с модной темой и на том же материале Ахматова сумела в этих давних стихах силой личного своеобразия, искусства и вкуса создать женский образ, не лишенный обаяния и для нас.

Вряд ли кто-нибудь станет упрекать Ахматову за то, что этот образ не созвучен с нашим идеалом женщины и далек от образов замечательных русских женщин, которых мы любим у Пушкина и Некрасова. Стихи Ахматовой написаны давно, в трудное время буржуазного распада семьи.

Есть другой признак, относящийся уже не столько к качеству этих старых стихов, сколько к современному их восприятию. Об этом признаке нужно сказать, чтобы понять место Ахматовой в нашем культурном сознании и в нашей поэзии.

Очень неширок круг явлений жизни, освещенный в творчестве этого незаурядного мастера. Сквозь шесть ее книг идешь, как между стен ущелья. Отношения любящих людей Ахматова изображает всегда в одном и том же разрезе — любовного самораспятыя женщины. Когда читаешь подряд много замечательных ахматовских стихов, — не хватает воздуха. Ведь отношения любви в реальной жизни настолько богаче и содержательнее того, о чем пишет Ахматова, и складываются в таких разных плоскостях, что для деятельного человека нашего времени эта мастерская поэзия становится просто монотонной. Подразумеваю при этом, что сей деятельный человек влюблен и отвергнут, т. е. по отношению к восприятию стихов Ахматовой находится в самом лучшем положении.

На восприятии этих стихов как бы проверяется качество нашей новой жизненной установки, ее многопланность и направленность к общему, а не к частному, к судьбам человечества. И качество любви нашей другое — она, как сказал Маяковский, «пограндиознее онегинской любви». Героиня Ахматовой и мы — люди слишком разные. Это и не может не сказаться, несмотря на былое и настоящее мастерство поэта.

